

20 ноября, Москва

Привет, Наиль!

Получил твое письмо, но отвечаю лишь неделю спустя, так как занят сборами. Все же я еду не в Торжок и не в Казань. На Чукотку, говорят, попасть хоть и трудно, но можно, а вот выбраться... Меня предупредили, чтобы я не совался в какой-нибудь отдаленный поселок: можно до весны застрять.

Ты спрашиваешь: почему Чукотка, да еще зимой, накануне Нового года? Не сошел ли я с ума?

Знаешь, я никогда не был романтиком. Мне непонятны коллективные восторги от походов, палаток, костров, ночных бдений и самодеятельных песен вокруг всего этого. Меня раздражают великовозрастные дяди и тети, поющие под гитару. К тому же вся эта «романтика» ассоциируется у меня с пионерией и комсомолом, которых я не любил еще больше, чем они меня. Поразительно, но при этом я был и пионером, и комсомольцем, ходил в походы, жег костры и даже пару раз играл возле них на гитаре. Вот только не пел, потому что сорвал голос, еще будучи октябреньком.

Меня также никогда не тянуло в экзотические страны и на необитаемые земли, тем более на Крайний Север, где вечная мерзлота, свирепствуют вьюги и метели. Мой «романтизм» не простирался дальше самого себя, что можно было бы назвать самосовершенствованием, если бы я чего-то достиг. Я всегда считал, что именно сидя дома, в тепле, уюте и безопасности, лучше всего созерцать окружающий мир и пытаться его понять. Когда же я выбираюсь в какую-нибудь деревню или близлежащий город, моим домом становится автомобиль, который я не оставляю

дольше чем на два часа и от которого не отхожу дальше чем на двадцать шагов.

Чукотка возникла в замыслах не потому, что эта далекая и неведомая страна меня притягивает и манит, не потому, что решил забраться на край земли и оттуда посмотреть на мир, и не потому, что бегу от себя (я хорошо к себе отношусь). Просто этого требует сюжет будущей книги. Какой? Пока не скажу. Прости, я уже способен утаивать замыслы. Сообщу лишь, что он связан с восходом солнца. Если бы день начинался на Украине, в Бразилии или у тебя в Татарстане, я бы отправился туда. Причем с бóльшим энтузиазмом, потому что не терплю холода. Более теплолюбивого существа, наверное, нет, так как труднопредставить большее тепло, чем то, которое сопровождало мое детство...

Пуховая белоснежная перина, прежде чем принять меня, разогревалась несколькими грелками, которые аккуратно подкладывала в кровать бабушка. Взбитая подушка также подогревалась, но не сильно, потому что, согласно Суворову (генералиссимус почитался в доме наравне с Пушкиным, Ломоносовым и Тарасом Шевченко), голову надо было «держат в холоде». И, пока разогревалась постель, бабушка грела мою фланелевую рубашку, для чего помещала ее в большую кастрюлю, а уже кастрюлю — в духовку. Только после этого обеспуговиченная рубашка (чтобы пуговицы не причиняли неудобств) надевалась на меня. Затем я укладывался спать (не сам — бабушкой!), и, пока не усну, она должна была находиться рядом, гладить меня по голове своей теплой рукой и ласково приговаривать. Иначе я не засыпал! Затем бабушка, чуть шурша, уходила, оставив меня в сказочном мире, где я был защищен неприступными перинами и подушками, а еще толстыми кирпичными стенами старого дома. Никакие внешние события не касались меня. Холодные ветры, мороз, слякоть и всякая непогода были мне неведомы, равно как и суровые законы человеческих отношений. Был лишь добрый и солнечный мир, готовый меня с радостью принять. Даже и теперь, когда мне плохо, я нахожу

утешение в глубоком сне, укутавшись с головой тяжелым одеялом. Можешь ли представить, что значит для меня отправиться зимой на Чукотку?

К тому же у меня не оказалось одежды, пригодной для настоящей зимы. Ни обуви, ни носков, ни куртки, ни теплого свитера, ни белья, ни шапки... Вся моя одежда хороша лишь для соблазнения девиц и дефилирования от подъезда к машине и обратно. На Чукотке ей грош цена. Мне подсказали адрес магазина для летчиков, где я приобрел куртку из овчины, летчицкий зимний комбинезон, унты (особая радость!), пару шерстяных свитеров, теплые тельняшки, меховые рукавицы, несколько пар носков, четыре комплекта теплого белья. Кроме прочего, купил американский спальный мешок и даже не отвечу, чего больше испытал от этой покупки: удовольствия или гордости?

Кстати, недорого, в сравнении с ценами в спортивных магазинах, клиенты которых забавляются альпинизмом и горными лыжами. Впрочем, Крайний Север — тоже «забава» еще та. Билет в Анадырь, в один конец, стоит почти восемь тысяч и, говорят, на днях подорожает.

Вчера в новостях передали репортаж с Чукотки, связанный с предстоящими выборами. Показали дома, занесенные снегом, спасающихся от метели людей, бегущее стадо оленей, а журналист подытожил, что скоро на Чукотке начнется зима... После такого репортажа я отогревался в горячей ванне.

Мои друзья вместе с завистью высказывают опасения и советуют перенести поездку на лето. Кого ни спроси — все всё знают о Крайнем Севере и, в частности, о Чукотке. Мне без конца дают советы: где и что говорить, как себя вести, что брать с собой. Один знаток советует обязательно взять шматок сала, которое в Заполярье окажется важнее фотоаппарата. Другой — рекомендует запастись гусиным жиром и перед выходом на мороз смазывать им

пятки, «чтобы не потрескались». Третий — убеждает купить солнцезащитные очки...

Все рекомендации я добросовестно выполнил, хотя на Чукотке сейчас полярная ночь, а гусь на московских рынках стоит столько, что дешевле заказать из Франции. Еще один приятель советует взять охотничий нож, на случай, если нападут медведь, волк или еще кто-нибудь. На его друга, художника, напал морж. Тот вроде бы стоял на берегу то ли Охотского, то ли моря Лаптевых, возле Чукотки или Камчатки, рисовал Ледовитый океан, был увлечен айсбергами и не заметил, как подполз здоровенный морж. Я спрашиваю: как же он сумел незаметно подкрасться? Оказалось, шум океана скрадывал прочие звуки, к тому же уморжей не слышно шагов. Они устроены так, что не ходят, а переливаются: жир перекачивается из одной части тела в другую, и таким образом осуществляется движение. Художник лишь услышал сопение за спиной. Повернулся, а морж уже изготовился к прыжку. Где видано, спрашиваю, чтобы моржи прыгали? Но приятель говорит, что на Чукотке какие-то особенные моржи, они вроде бы и прыгают, и даже скачут. Словом, купил я нож, в котором, кроме нескольких лезвий, штопора, пилы, напильника, отвертки, шила, линейки и ножниц, есть еще вилка, консервный нож и ложка, так что в развернутом виде изделие похоже на ошетилившегося ежа. Кстати, продавщица напомнила о судьбе Роберта Скотта, экспедиция которого погибла из-за того, что нечем было открыть консервы. Из-за мелочи, сказала девушка, погибли хорошие люди.

Мне также посоветовали взять фонарик, причем непременно мигающий. На случай, если заметет следы и не найду обратной дороги. Так хоть фонариком помигаю, глядишь, кто-нибудь отзовется. Мне рассказали, как недавно один молодой человек пошел по нужде и был немедленно окружен стаей голодных волков: сидящего на корточках, его приняли за зайца. Он стал звать на помощь, но на крик сбежались еще и медведи. Фонариком бы посветил — зверье бы и разбежалось, а так парень

спасся только благодаря суматохе: звери начали выяснять отношения из-за добычи, и он бочком, между сопок, проскочил к своим...

Поразительно! Не побывав даже рядом с Севером и Чукоткой, все, с кем я разговаривал, прекрасно осведомлены о положении дел в тех краях, знают о природе, о коренном населении и даже о вековых обычаях. Буквально каждый рассказывал о невероятном гостеприимстве чукчей и эскимосов, которые, чтобы показать расположение к гостю, подкладывают ему в постель своих жен. Мне, как приехавшему издалека, обязательно подсунут, так что я не должен проявлять высокомерия и небрежения по отношению к обычаям и нравам малочисленных народов, а то чукчи — народ воинственный... «Если угостишь гостя, а он откажется, ты ведь обидишься? — рассуждал мой приятель. — Так это всего лишь еда. Что же говорить об игнорировании чужеземцем любимой женщины!»

Довели до того, что мне приснилось, будто я остался на ночлег в чуме и в ожидании того, что мне подсунут чью-нибудь жену, никак не мог уснуть. (Приснится же: во сне и не мог уснуть!) Лежа в своем спальном мешке, я озирался, прислушивался ко всякому шороху и вот слышу, как впотьмах, ступая по оленьим шкурам, ко мне пробираются хозяева. Перешептываясь и перемигиваясь, они хотят засунуть мне в мешок большой сверток — не это ли чья-то жена? — а я пытаюсь уклониться и делаю вид, что сплю. Но лишь только я выразил недовольство — тут же блеснули в их руках кривые ножи, которыми только что был мелко нашинкован какой-то зверь, и оскалились их смуглые засаленные чингисханьи рожи, и со всею ненавистью оскорбленного народа они посмотрели на меня и то ли спросили, то ли приговорили: «Не уважаешь?!» — «Как же не уважаю?» — взмолился я. — «Докажи, однако!» — потребовали от меня... и усилием воли я проснулся.

Вот какие страсти, дорогой друг, сопровождают подготовку к моей экспедиции. Не знаю, будет ли возможность написать тебе до отъезда, но с Чукотки напишу обязательно. Правда, письма оттуда идут по три месяца.

P.S. Пересылаю тебе заметку о чукчах из Настольного Энциклопедического словаря Граната. Она хоть и устаревшая — 1901 год, — зато лишена советской риторики.

ЧУКЧИ, инородцы Приморск. и Якутск. областей, въ сев.-вост. углу Камчатки по рр. Калыму и Анадыру, около губы св.Лаврентія и по берегамъ Охотск. моря. Чукчи постепенно вымирають, и численность ихъ, некогда громадная, не превышаетъ теперь 8 т. По образу жизни разделяются на оседлыхъ и кочевыхъ (оленныхъ). Первые живутъ на морскомъ берегу, вторые ведутъ жизнь пастушескую. Внешностью Чукчи похожи на эскимосовъ: они низкаго роста, толсты, смуглы, съ малыми косыми глазами. Живутъ въ подвижныхъ юртахъ изъ оленьихъ шкуръ, тесно и неопрятно. Часть Чукчей крещена, большинство состоитъ въ шаманстве, полигамия дозволена, но редка; по смерти супруга жена переходитъ къ младшему брату. Чукчи управляются старшиной (наиболее вліятельнымъ и богатымъ оленями человекомъ). Главнымъ занятіемъ ихъ являются рыболовство и звероловство, собаки ценятся высоко и служатъ для охоты и для езды. Оленные имеютъ страсть къ торговле, которая производится въ Анюйской креп., Анадырске и Гижиге и состоитъ въ обмене пушнаго изделія, холстъ и пр.; кроме того, Чукчи ведутъ торговлю съ американцами и съ эскимосами Берингова пролива.

Есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красною нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это — факт географический.

П. Я. Чаадаев, «Апология сумасшедшего»